

Переводы и рефераты

**ГЛАВЫ 10–11 ИЗ КНИГИ
«ВОЙНЫ, РЕВОЛЮЦИИ И ДИКТАТУРЫ:
ИССЛЕДОВАНИЕ ИСТОРИЧЕСКИХ И СОВРЕМЕННЫХ
ПРОБЛЕМ С КОМПАРАТИВНОЙ ТОЧКИ ЗРЕНИЯ»¹**

Станислав Андрески

Глава 10. Чем уникален апартеид?²

Ни одна другая страна не подвергалась так часто осуждению ООН и не вызывала столь единодушного осуждения со стороны представителей различных вероисповеданий и политических взглядов (от христианских теологов и традиционных либералов до коммунистов и консерваторов), как Южная Африка. Надо заметить, что указанное единодушное осуждение можно было бы рассматривать как позитивный признак морального совершенствования человечества в целом, если бы не тот факт, что многие из осуждавших Южную Африку сами повинны в жестоком угнетении и массовых убийствах. Едва мы начинаем сомневаться в том, что апартеид отличается от других форм угнетения только степенью страданий его жертв, возникает вопрос о сравнении социального устройства Южной Африки с другими системами эксплуатации.

Если ограничиться строго экономическим аспектом уровня жизни низших классов, то окажется, что Южная Африка не самая худшая страна мира. Хотя благосостояние банту (большинства населения Южной Африки) значительно меньше благосостояния его европеизированных хозяев, банту имеют более достойное питание, жилье и одежду по сравнению с обычными жителями других африканских государств, за исключением, возможно, Ганы и Кот-д'Ивуара. Однако это сравнение относится лишь к простым людям, поскольку Южная Африка отличается от других африканских стран наличием в ней элитных классов и промежуточных слоев. Хотя по сравнению с немецкими или шведскими рабочими – владельцами автомобилей банту живут в условиях крайней бедности, зато они живут гораздо лучше по сравнению с боливийскими, алжирскими или пакистанскими крестьянами, а также жителями трущоб Каира или Калькутты. Вполне обоснованно можно сказать, что такие сравнения не всегда уместны, и на самом деле важно не абсолютное значение нормы благосостояния, а относительное страдание, поскольку именно оно является источником страдания людей. Лично я не согласен с этим аргументом; я полагаю, что в соответствии с мерой наименьшего стра-

¹ См.: Andreski St. 1992. Wars, Revolutions, Dictatorships: Studies of Historical and Contemporary Problems from a Comparative Viewpoint. – London: Frank Cass, pp. 63-85.

² Поскольку эта глава, за исключением послесловия, написана в 1969 году, некоторые утверждения настоящего времени должны рассматриваться как относящиеся к тому периоду.

дания наименьшего числа людей, которую, вероятно, легче применить, чем критерий Бентама о достижении наибольшего счастья наибольшего числа людей, следует отдать предпочтение системе, которая обрекает меньшую часть своих подвластных на голод и болезни. По этому критерию Южная Африка не является местом наибольшего страдания, занимая в этом отношении значительно более высокое место по сравнению с Индией, Пакистаном или Египтом, но при этом отстает от атлантических стран, а также от других более процветающих африканских государств, например Ганы или Кот-д'Ивуара. Возможно, в этих странах простые люди не обладают таким материальным благополучием, как южноафриканские банту, однако их гораздо меньше угнетают и унижают.

Если учесть жестокость репрессий как следующий критерий, то опять выяснится, что самые массовые случаи кровопролития, заключения в тюрьму и пыток отсутствуют в Южной Африке. Безусловно, в этой стране подвластные расы живут под суровым гнетом, но невозможно представить, что крестьяне или нищие в Санто-Доминго, Эфиопии или Иране подвергаются менее жестокому и презрительному обращению со стороны господ.

Отличительная особенность Южной Африки состоит не в том, что в ней хорошо относятся к бедным (это достаточно распространено в других частях мира), а в том, что людей здесь заставляют принадлежать к пролетариату, даже если их богатство и образование позволяют претендовать на большую свободу и более высокий статус. Хотя и в этом случае есть множество примеров преследования богатых и образованных меньшинств, начиная с евреев Центральной и Восточной Европы и армян Османской империи и заканчивая китайцами Индонезии и индейцами недавно получившей независимость Кении.

Конечно, эффективность средств насилия позволяет не применять более кровавые методы подавления. Хотя расстрелы в Шарпевиле были трагическим событием, но десятки жертв несравнимы с колумбийской *виоленсией* – смесью крестьянского восстания, бандитизма и вендетты, действовавшей на протяжении двух десятилетий и унесшей более полумиллиона жизней. На протяжении нескольких дней индонезийские солдаты и мусульманские боевики уничтожили как минимум вдвое больше коммунистов. Менее массовые убийства, но все же затрагивающие десятки тысяч людей, произошли в Гватемале, Занзибаре и Руанде, а недавние события в Нигерии и Судане можно сравнить с геноцидом. Даже поддержка традиционного амхарского господства над галлой и сомалийскими народами Эфиопии потребовало гораздо больше убийств, чем поддержание апартеида. Естественно, эти факты не оправдывают южноафриканскую систему, но их надо учитывать, чтобы понять ее недостатки в реальном контексте.

Мы обязаны сочувствовать политическим заключенным, однако необходимо помнить, что по сравнению с другими странами положение Южной Африки не столь уж критично. Хотя точные данные найти сложно, вполне вероятно, что в Южной Корее или на Кубе политических заключенных больше, чем в Южной Африке, а количество заключенных в исправительных учреждениях Китая превышает население Южной Африки. В период принудительного коллективного труда в Советском Союзе насчитывалось почти 20 миллионов человек заключенных, и даже сегодня, спустя 15 лет после улучшений, имеются веские основания полагать, что численность заключенных в России пропорционально больше, чем в Южной Африке, если даже не учитывать абсолютные цифры.

Повторю еще раз: приведенные сравнения не означают легитимность апартеида, но ставят два важных вопроса: почему в Южной Африке подавление настолько эффективно, что можно применять смертную казнь и тюремное заключение в гораздо меньшем масштабе, чем во многих других странах? почему форма угнетения в Южной Африке вызывает больше осуждения по сравнению с другими формами, которые включают больше казней, пыток и заключений? Отложим первый вопрос в сторону и начнем с второго.

Аргумент о несовершенстве апартеида часто опровергается указанием на то, что он разлагает людей, лишая их человечности. Сомнения могут возникнуть при обсуждении того, насколько унижения, испытываемые подчиненными расами, глубже унижений, переживаемых угнетенными классами в других странах. Вероятно, работники ферм в Никарагуа или Парагвае не обращаются к пеону более вежливо или уважительно, чем к его коллеге в Южной Африке. Тем не менее, несмотря на равенство в законе, большинство индуистских парий живут в худших физических и моральных условиях, чем любой другой сектор населения Южной Африке. Презириаемые касты существуют также в Японии и во многих частях Африки; в Сенегале обычай кастовой эндогамии действует во всем обществе. Поэтому нет оснований считать, что Южная Африка – единственное место, в которой наблюдается крайняя несправедливость. Во-первых, апартеид – не новое явление, а современные события только кодифицируют его. Во-вторых, уровень жизни ухудшается почти во всех развивающихся странах, преимущественно по причине демографического взрыва, и в результате борьбы за выживание отношение к бедным постепенно ухудшается.

Южная Африка образует особый случай, в котором неравенство и унижение людей не являются простым результатом экономических сил и древних традиций, как в других странах. В данном регионе эти проблемы возникли в результате целенаправленной политики, подкрепленной силой закона. Хотя этот аргумент частично обоснован, его можно рассмотреть с критической точки зрения, поскольку везде существует тесная связь между действиями государства и социальными явлениями. Невозможны случаи массовой несправедливости без сговора или активной поддержки со стороны правительства. В конечном итоге важно стремление официальных органов к смягчению или поддержке неравенства, хотя заявления о благих намерениях не всегда отражают эффективную политику. Можно сказать, что если эксплуатация становится законом, то она приобретает как бы некоторую легитимность, освобождаясь от насмешки над не выполненными обещаниями и от боли, вызванной нереализованными ожиданиями. Незаконное угнетение также позволяет совершать преступления, включая казни и насилия, которые можно было бы предотвратить с помощью законной дискриминации.

Не существует веских причин для утверждения: законное противодействие дискриминации должно всегда иметь более негативные последствия, чем незаконные формы эксплуатации. Я считаю наиболее важным критерием отношение власти к людям на практике. Марксисты правы, утверждая, что *формальное* равенство часто сопровождается *фактическим* неравенством, и нет причин, по которым это не может относиться к расовой дискриминации.

Можно указать определенные преимущества в регулируемой законом эксплуатации по сравнению с нерегулируемой эксплуатацией. Например, табу на брак и сексуальные отношения, нарушающие расовые барьеры, зафиксированные в так называемом законе о безнравственности, имеют некоторые положительные стороны, несмотря на известные отрицательные последствия для людей смешанного или неопределенного происхождения и для свободы человека вообще. В условиях значительного неравенства власти и богатства, данное ограничение защищает женщин от сексуальной эксплуатации со стороны их работодателей, аналогичной той, которой подвергалась домашняя прислуга даже в пуританской викторианской Англии, а которая все еще является распространенным явлением в большинстве бедных стран Латинской Америки.

Несмотря на смехотворные методы определения, Закон о безнравственности беспощадно применяется без учета статуса и влияния преступников. В результате несколько высокопоставленных и даже важных людей, включая деятелей правящей партии, были приговорены к тюремному заключению. Однако оценка угрозы длительного заключения в тюрьме как необходимого механизма для укрепления отталкивания и профессионального разобщения

свидетельствует о том, что такое искушение достаточно сильно и широко распространено. Действительно, привычка розовых матерей передавать своих маленьких детей на попечение коричневых нянь образует условный рефлекс, связывающий смуглую кожу с ожиданием эмоционального и физического удовлетворения, особенно если коричневые няни проявляют больше тепла и радости, чем розовые мамы. Но обязанность забыть такие предпочтения и подавлять сильное желание к привычным источникам детских удовольствий ради приличия и чести взрослых приводит к хорошо известному фрейдовскому процессу формирования реакций, который препятствует равнодушию и превращает желание в ненависть и презрение. Этот ментальный механизм во многом объясняет различные обсессивные и бредовые мифы и ритуалы апартеида, которые нельзя рассматривать как рациональные методы предотвращения мести или удовлетворения обычных желаний богатства и монополизации власти. Страх осквернения и навязчивая забота о «чистоте» расы на деле напоминают озабоченность сексом священника, который соблюдает целибат.

При оценке преимуществ и недостатков системы необходимо принимать во внимание направление миграции. Можно исходить из общего положения: миграция всегда направлена в более благоприятную среду. В этом контексте нетрудно заметить, что больше людей иммигрирует в Южную Африку, чем эмигрирует из нее. Это происходит не только из-за ограничений на выезд из страны. Иммигрантами являются в основном образованные африканцы и индусы, на которых система оказывает наибольшее влияние, в то время как значительное количество неквалифицированных рабочих из независимых африканских государств приезжает в Южную Африку в поисках работы. Однако крайне мало южноафриканцев пытаются эмигрировать. Это не доказывает, что система Южной Африки совершенна, но указывает на то, что она более эффективна в создании богатства, чем страны, расположенные на север от нее. Большинство людей предпочитает хлеб равных прав, когда им приходится выбирать, и поэтому массовая нищета может считаться еще большей проблемой, чем расовая дискриминация. Конечно, наилучшим вариантом было бы возможность достичь одновременно процветания и справедливости, особенно потому, что социальная гармония способствует экономическому прогрессу, в то время как конфликты мешают ему. Однако достичь столь счастливого сочетания удастся крайне малому числу стран мира. Поэтому всемирное осуждение апартеида невозможно объяснено только отвращением к страданиям, которые испытывают его жертвы, поскольку многие другие государства, не вызывающие резонанса в ООН, заслуживают по меньшей мере такого же осуждения.

Проблема всемирного единодушия против апартеида не связана с внутренней несправедливостью, которая, к сожалению, распространена во многих странах, подписавших Хартию прав человека. Она связана с несовместимостью южноафриканской системы стратификации с требованиями уважительного взаимодействия между правительствами и элитами мирового сообщества.

Когда иностранные бизнесмены, дипломаты или туристы посещают такие страны, как Парагвай или Гаити, они могут сочувствовать бедственному положению бедных крестьян, избитых заключенных или истощенных рабочих. Однако эти проблемы не затрагивают их собственного положения. Они останавливаются в хороших гостиницах и к ним относятся с уважением в соответствии с их социальным статусом. В случае с темнокожим посетителем Южной Африки, вне зависимости от его высокого положения в своей стране, его классифицируют как представителя низшего слоя общества. Даже если он будет президентом Индонезии, королем Аравии или императором Эфиопии, розовые южноафриканцы будут считать его человеком низкого статуса.

Уникальность южноафриканской системы стратификации заключается в том, что она не только проводит различие между слоями внутри страны, но и раскрывает различия между

нациями и кастами Южной Африки. Это влечет за собой отказ в признании статуса лидеров большинства других стран. Розовые южноафриканцы причисляют высокопоставленных чернокожих представителей других стран к собственным париям. Это глубоко оскорбляет темнокожие элиты всего мира, и они стремятся использовать любую возможность для публичного осуждения розовых правителей Южной Африки.

До тех пор, пока большая часть мира находилась под властью светлокожих правителей, темнокожие расы оставались в подчинении. В Южной Африке такая стратификация соответствовала глобальной классификации, и никаких проблем не возникало. Однако деколонизация положила конец этому согласию, а сужение мира, рост коммуникаций и торговли создали больше контактов между людьми из разных частей мира и возможностей для конфликта между кодексом поведения южноафриканцев и требованием вежливого отношения к высокопоставленным людям. Поскольку существование международных организаций зависит от этих отношений, они не могут поддерживать апартеид и рассматривают его как особенно разрушительную форму угнетения. Массовые депортации, истребления и погромы в других частях мира не вызывают подобного осуждения.

Если южноафриканская кастовая система определяется строго внутренними критериями, которые нельзя применить к иностранцам, то отношение к неудачникам не вызовет столь широкого возмущения, как резня игбо хаусами или распространение оспы среди индейцев Бразилии. В настоящее время южноафриканская система наносит оскорбление темнокожим элитам всего мира и может продлить существование лишь до тех пор, пока тропические страны остаются бедными и неустроенными³.

Вопрос о том, почему южноафриканское общество приняло нынешнюю форму, интересен даже больше, чем проблема, на которую я только что попытался ответить. Я уже более подробно обсудил его в своих работах *«Элементы [использования] сравнительной социологии»* и *«Паразитизм и субверсия: случай Латинской Америки»*. Там я предложил объяснение, основываясь на следующих факторах:

1. Низкий социальный статус женщин в колониальных территориях Испании и Португалии привел к распространению конкубината, в результате чего произошло смешение рас. В отличие от этого, в Южной Африке наблюдалась противоположная тенденция.

2. Более авторитарная организация Католической церкви, в отличие от более демократического правительства кальвинистских ассамблей, позволила церкви иметь большее влияние на свои миссионерские интересы и легче преодолеть сегрегационные стремления поселенцев.

3. Различия в физических чертах между испанцами или португальцами и америндами были менее заметными, чем между голландцами или англичанами и банту.

4. В Бразилии и Центральной Америке африканцы прибывали как выброшенные и перемешанные рабы, в то время как банту столкнулись с европейскими завоевателями в качестве организованных племен или даже наций, и большинство из них до сих пор сохраняют свои корни в рамках традиционных социальных структур.

В моих исследованиях антисемитизма в Южной Африке и в *«Элементах [использования] сравнительной социологии»*, я пришел к выводу, что дискриминация на основе этничности, расы или религии в основном обусловлена эгоизмом, а не ложными предрассудками. Это объясняется принципом всеобщей борьбы в общественной жизни, который я обсудил во вводной главе моей работы *«Военная организация и общество»* [4]. В данном случае, я хотел бы добавить некоторые дополнительные замечания о влиянии статуса женщины на расовые

³ Низкий социальный статус женщин в колониальных территориях Испании и Португалии привел к распространению конкубината, в результате чего произошло смешение рас. В отличие от этого, в Южной Африке наблюдалась противоположная тенденция.

отношения – продолжить обсуждение темы, представленной в главе 19 моей книги «*Элементы [использования] сравнительной социологии*» и в разделе «Сексуальные корни антиобщественного поведения» моей работы «*Паразитизм и подрыв: случай Латинской Америки*».

В этих книгах я изучил последствия влияния полигамии по сравнению с моногамией на социальную мобильность, уровень эксплуатации и борьбу в обществе, а также на расовую сегрегацию, но не уделил должного внимания активной роли женщин. Однако этот аспект можно рассмотреть с другой точки зрения. В обществах с глубокой стратификацией, в которых собственники обладают полной властью над своими слугами, открыта возможность для сексуальной эксплуатации. Поэтому женщины привилегированного класса заинтересованы в ограничении свободы своих мужей использовать женщин низшего класса для плотских удовольствий. Единственный способ достичь этой цели, не нарушая власть своих мужей над низшим классом, который обеспечивает их собственные привилегии и богатство, – установить табу на сексуальные отношения между своим классом и низшим классом, основываясь при этом на этнических, религиозных или расовых различиях. Это табу ограничивает и сексуальную свободу женщин высшего происхождения, но в патриархальных обществах у женщин совсем немного свободы. Поэтому единственное, что они могут сделать, – это ограничить свободу своих мужей.

Глубоко стратифицированные общества иногда разрешают половые отношения или брак между благородными мужчинами и простыми женщинами, но чаще всего такие отношения жестко наказываются, если имеется разрыв в статусе. Если изначальное положение женщин достаточно высоко, они могут использовать свою силу убеждения и возможность оказывать давление (как это было у буров и английских поселенцев), чтобы наложить ограничения на свободу своих мужей в отношении женщин низшего класса. Таким образом, они не только устраняют конкуренцию со стороны других женщин, которые могут предоставить аналогичные или лучшие услуги за меньшее вознаграждение, но и защищают своих детей, предотвращая конкуренцию за отцовскую заботу, богатство и социальный статус со стороны незаконнорожденного потомства.

Поэтому женщины высшей расы заинтересованы в поддержании расовой дискриминации, и известно, что отношения между господствующей нацией и их подданными ухудшаются с приходом европейских женщин, что стало возможным благодаря усовершенствованию транспорта и условий жизни.

Прежде чем сделать выводы из приведенных рассуждений, надо вернуться к обсуждению ранее поставленного, но не рассмотренного вопроса: почему южноафриканская система столь успешно поддерживается? Сказать «потому что она эффективна» лишь повторит, но не объяснит вопрос, поскольку просто заставляет нас перефразировать вопрос: «почему система настолько эффективна?».

Одной из причин является отсутствие коррупции (в узком смысле взяточничества и злоупотребления государственными средствами), что сильно контрастирует с тем, что происходит в Латинской Америке, остальной части Африки и на самом деле в большинстве стран мира. Действительно, Южная Африка, а также Родезия, которая *фактически* образует ее продолжение, – единственные страны в мире, где крайнее неравенство в богатстве и власти не приводит к массовой коррупции; ведь все остальные свободные от этого недостатка страны являются демократическими государствами с универсальным благосостоянием, и не имеют такого разрыва между богатыми и бедными.

Влияние протестантизма, соблюдение законов и отсутствие взяточничества – вот основные свойства деятельности властных структур Южной Африки. Эти факторы обусловлены сохранением традиционного и патриархального семейного устройства среди обитателей этой страны, которые в свою очередь поставляют административный и политический

персонал. Этому также способствуют низкая вероятность сожительства и незаконнорождения, отличающаяся от латиноамериканских традиций. Важно отметить, что семейные уклады имеют много общего с относительной жесткостью барьера между правящим слоем и подчиненными расами.

Этот раздельный стиль жизни помогает сохранить традиции протестантского пуританства, которые исчезли бы со временем из-за смешения культур и генов. К тому же привилегированный сегмент населения приобретает более половины богатства, что гарантирует властвующим заслуженное вознаграждение и отсутствие родственных или дружеских связей с жертвами системы. Это означает, что доброта и дары не смогут заставить их отступить от строгого соблюдения закона. Кроме того, из-за того, что самые бедные кандидаты исключаются из государственной службы по причине расы, не существует никакого давления на расширение государственного аппарата за пределами возможностей казны, которая может нормально оплачивать его сотрудников. В результате в Южной Африке нет бюрократов, вынужденных заниматься коррупцией, что является уникальным явлением всех бедных стран. Более того, сегрегация правителей и подвластных препятствует формированию канала доверительных отношений, по которым могут протекать взятки. В результате индийским торговцам гораздо сложнее получить льготы посредством взяток, чем евреям в Восточной Европе до прихода Гитлера.

Однако наиболее важным фактором является наличие строго определенной границы между господствующей и подчиненными расами, стимулирующей у представителей правящей расы дух солидарности и *боевого братства*. Этот дух удерживает их от получения выгоды за счет даже незначительной нелояльности к своей группе и ее лидерам. И хотя представители привилегированной расы уже не так свободны, как два десятилетия назад, они готовы пожертвовать своими конституционными правами во имя своего коллективного выживания, так же как делает это большинство наций во время войны. Полиция должна наблюдать только за незначительным меньшинством, главным образом за интеллектуалами, которые пропагандируют идеалы Французской революции или находятся под влиянием марксизма. Необычная практика ограничения влияния оппозиционеров пределами их дома или нескольких миль не может существовать без готовности полиции преследовать уклонистов. Несогласные с таким положением представители других рас, которые могут легко общаться с единомышленниками, находятся под надежной охраной за решеткой.

Таким образом, аналогично Спарте южноафриканская система полагается на принуждение и привычку послушания, но без благоприятной религиозной или идеологической поддержки, которая проникает в разгромленные расы и убеждает их в необходимости подчинения. Поэтому нет вспышек революции. Такая революция возникает лишь при условии противостояния правителей друг другу и минимального единства среди управляемых, если только она не является результатом поражения в войне. Сейчас, когда розовые южноафриканцы хорошо организованы и сплочены, их подданные остаются разделенными по этническим и племенным связям, а также постоянным тенденциям к детрайбализации. Однако благодаря опыту работы и несмотря на ограничения в образовании, банту Южной Африки стали более европеизированными, чем любое другое население Африки.

Помимо эффективного управления, неравномерное распределение доходов (позволяющее интенсивно накапливать частный капитал) является одним из ключевых факторов экономического роста, который наблюдается в Африке только в Кот-д'Ивуаре. Ограниченная покупательная способность, обусловленная низкими заработными платами, могла бы привести к избытку сбережений и спаду, однако происходит активное накопление частного капитала за счет выделения большей части дохода для привилегированной расы, хотя превышает долю населения, сравнимую с долей капиталистов в Европе и Америке в 1930-х годах.

Возникает вопрос: можно ли сравнить судьбу южноафриканских банту и афроамериканцев в Америке? Признавая, что последние имеют намного лучшую материальную ситуацию по сравнению с обычными африканцами, отмечается и то, что правительство Соединенных Штатов стремится помочь афроамериканцам, в то время как правители Южной Африки обостряют угнетение. Тем не менее, афроамериканцы производят впечатление более страдающих психологически. Это объясняется несколькими факторами. Во-первых, большинство южноафриканских банту могут полагаться на поддержку своей племенной и клановой общности, которая сохраняется, в отличие от афроамериканцев. Во-вторых, строго заданная роль в обществе создает меньше возможностей для разочарования и унижения, чем изменчивая ситуация. Если не пытаться интегрироваться, то и не возникает возможность столкнуться с препятствиями; именно поэтому сторонники черной силы пропагандируют добровольное отстранение от американского народа, чтобы избежать унижений, связанных с неудачными попытками интеграции.

Хотя южноафриканские банту были подвержены *фактическому* рабству, они также пережили психологическую травму и бремя происхождения от свергнутой расы господ. Понятно, что принадлежность к завоеванной нации более стабильна для психики, чем принадлежность к презираемой касте меньшинства. Особенно когда численное превосходство господ и подданных существенно влияет на частоту враждебных контактов и жестокого обращения с населением. Члены угнетенных меньшинств сталкиваются с большим числом людей, которые могут пренебрегать или запугивать их, по сравнению с членами угнетенного большинства. Следовательно, их шансы на неприятные встречи гораздо выше.

Примечание

1. Из-за грубости расизма многие авторы, пишущие об Африке, склонились к противоположному предрассудку инвертированного расизма, который утверждает, что африканцы не способны сделать что-либо плохое. В моей главе «Африканская пределемма: Исследование патологии модернизации» (Майкл Джозеф, 1968) я попытался дать реалистический анализ новых государств, чтобы заполнить этот пробел.

2. Андрески С., «Элементы [использования] сравнительной социологии», Лондон: Вайденфельд и Николсон, 1964; Беркли: издательство Калифорнийского университета 1965, главы 19, 20 и 21. Чикаго: Издательство Чикагского университета.

3. Андрески С., «Паразитизм и субверсия: пример Латинской Америки», Лондон: Вайденфельд и Николсон 1966, Нью-Йорк: Пантеон Букс, 1967.

4. Андрески С., «Военная организация и общество», Лондон: Рутледж и Кеган Пол и Беркли: издательство Калифорнийского университета 1968.

Эти книги упоминаются здесь не для поддержки взглядов, выраженных в данной главе, а лишь для указания на места, где рассматриваются связанные проблемы, которые не могли быть полностью освещены здесь.

Послесловие 1991 г.

Можно привести еще один важный аргумент в пользу того, что масштаб страданий является отличительной чертой апартеида по сравнению с другими формами подчинения и вызывает осуждение международного сообщества. Во многих частях мира, особенно среди мусульман, мужчины обращаются с женщинами хуже, чем белые в Южной Африке обращаются с чернокожими. Несмотря на огромные страдания, которые это причиняет, мало кто про-

тестует, и международное осуждение обращения с женщинами как с имуществом остается минимальным. Даже феминистки чаще возмущаются апартеидом, чем фактическим домашним рабством, которое практикуется некоторыми иммигрантами. То же самое относится к женскому обрезанию, которому подвергаются девушки во многих частях Африки. Когда им ставят упрек за молчание по этим вопросам, сторонники либерализма, гуманизма и равенства часто оправдываются, говоря, что это «их культура». Однако они не дают такого же оправдания бурам, хотя апартеид является частью их культуры. Фактически, многие необразованные южноафриканцы считают, что апартеид предназначен богом и приводят цитаты из Библии в поддержку своей точки зрения.

Статья убедительно объясняет причины единогласного осуждения апартеида, но отмечает, что с тех пор произошли изменения. Международное осуждение стало менее частым и решительным, хотя условия жизни представителей черной расы не улучшились. В последнее десятилетие ухудшились условия черных в результате замедления экономического роста при продолжающемся росте черного населения. Богатых чернокожих стало больше, но распределение богатства остается неравным, привилегии сосредоточены в руках белых и некоторых азиатов.

Однако есть одно радикальное изменение: темнокожая элита больше не отрицается, и их членам оказывают соответствующее уважение. Это признание было предоставлено правителям соседних государств и выдающимся чернокожим южноафриканцам.

Снятие правовых барьеров для доступа к лучшему жилью и районам приносит сразу пользу тем, кто может себе позволить. Однако бедные, как и в остальных странах, останутся исключенными. Главными проигравшими станут бедные белые. Именно ради их материальной выгоды Малан после 1948 г. закрыл юридические лазейки апартеида. Богатые белые будут продолжать пользоваться привилегиями, пока соблюдаются законы о собственности. Это может быть достигнуто только с помощью нового метода удержания власти, который не вызывает негативную реакцию международного сообщества.

Сложно предсказать результаты текущих перемен, но маловероятно, что будущее соответствует целям либеральных реформаторов или консерваторов, которых сейчас можно назвать реакционерами. Их цели недостижимы из-за внешнего давления, усиленного влиянием чернокожих избирателей в США за последнее десятилетие. Мечта либералов о мирной либеральной демократии, в которой расы равны, но белые продолжают наслаждаться своим богатством и статусом, также нереальна. Белые либералы верят, что вежливость и дружелюбие предотвратят коллективную месть чернокожих при получении ими власти. Однако это маловероятно, так как чернокожие избиратели будут стремиться использовать свою власть для быстрого улучшения своего экономического положения. В конкуренции за их голоса, победу, скорее всего, одержат кандидаты, которые обещают конфискацию богатства у белых и его распределение среди бедных. Для белых экспроприация и исчезновение привилегированного доступа к рабочим местам означало бы жизнь сопоставимую с текущим уровнем жизни черных. Учитывая, что белых меньше, а черных больше, выравнивание доходов приведет к большим потерям для белых и небольшому улучшению для черных. Более того, даже уровень жизни чернокожих может упасть, если перераспределение приведет к сокращению производства богатства, как это происходило в других местах.

Стабильная общая бедность препятствует достижению реальной демократии, так как она вызывает ожесточенную борьбу за богатство. Демократия может существовать, если небольшое меньшинство живет в относительном благополучии, в то время как большинство не испытывает безысходности. Примеры Великобритании, Франции и Соединенных Штатов показывают, что меньшинство, которое остается в унижении, позволяет людям считать себя привилегированными и, следовательно, более удовлетворенными своей жизнью и меньше за-

видовать богатству. Однако в Южной Африке большинство населения живет в бедности, что не может быть изменено политическими изменениями. Кроме того, этнические разногласия и неравенство в культуре создают недостаточное социальное согласие, необходимое для всемирного принятия справедливых политических правил. Поэтому можно предсказать, что введение демократической конституции в Южной Африке будет сопровождаться обычной последовательностью постдеколониционных событий: «один человек, один голос, один раз». При быстром установлении диктатуры это привело бы к насилию. Даже при черном диктаторе белые могли бы жить лучше, так как он мог бы ограничить стремление черных к разграблению экономики, как это делает Мугабе в Зимбабве. Однако диктатор может быть мотивирован личной мстостью, корыстолюбием или другими причинами, независимо от экономических последствий, как это было с Иди Амином в отношении азиатов.

В Латинской Америке демократические конституции не привели к перераспределению богатства, несмотря на бедность и недовольство избирателей. Богатые до сих пор смогли сопротивляться желаниям масс при помощи взяточничества, избирательного мошенничества, злоупотребления властью со стороны работодателей и незаконного насилия со стороны армии, полиции и частных организованных группировок. Когда эти методы не работают, вводится открытая диктатура. Большинство латиноамериканских стран соответствуют теории чередования элит Вильфредо Парето: управляющие элиты («лисы»), которые приходят к власти обманом, и элиты («львы»), которые правят силой.

Сомнительно, что богатые белые жители Южной Африки смогут сохранить свое богатство, используя латиноамериканские методы, даже если они согласны отказаться от бедных белых. Кальвинистская традиция уважения к закону, которая в прошлом побудила их закрепить в законе все свои практики эксплуатации, является серьезным, хотя, возможно, и не непреодолимым препятствием для эволюции в этом направлении. Культурная и расовая дискриминация является серьезным препятствием. Несмотря на видимое равенство, положение большинства чернокожих в Бразилии или Колумбии не лучше, чем в Южной Африке. Социальное восхождение является трудным для темнокожих людей, но не невозможным, как это было в Южной Африке до недавнего времени и в Соединенных Штатах 30 лет назад. Гибкость социальных разделений в Латинской Америке оставляет больше возможностей для манипуляций, поэтому латиноамериканские методы сдерживания бедных не применимы в Южной Африке.

Более соответствующим кальвинистскому мировоззрению было бы применение другого метода для сохранения нынешнего распределения собственности и фактического социального статуса богатых белых. Этот метод предполагает отмену неограниченного права голоса у белых и привязку избирательного права к наличию определенного имущества или уплате определенного минимума налогов. В Капской колонии до объединения с Союзом существовала подобная система избирательных прав. В XIX веке эта система стала основой парламентского правления в Европе, когда низшие классы находились в крайне неблагоприятном положении. Великобритания достигла наибольшей эффективности такой системы, где бедных удерживали на контроле с помощью гораздо меньшего применения силы по сравнению с континентом. Однако в Британии государственная церковь, контролируемая монархом и правительством, а также связанная с аристократией, сумела привить бедным уважение. Культурная монархия оказалась (и до сих пор является) весьма полезной в убеждении бедных в принципе наследования привилегий. В Южной Африке отсутствуют подобные факторы. Отсутствуют и другие обстоятельства, которые приводили к смягчению социальных конфликтов в Европе XIX века: отсутствует возможность массовой эмиграции или превращения Южной Африки в экспортера промышленных товаров и импортера сырья. Тот факт, что некоторым странам Восточной Азии недавно удалось занять такое положение, делает его еще

более сложным для будущих претендентов, поскольку логически невозможно, чтобы все страны импортировали больше сырья, чем экспортировали.

В Южной Африке, как и во всей Африке и большей части мира, рост населения оказывает сильное давление на ресурсы. В связи с этим потребуются больше репрессий для удержания бедных людей от революционных действий. Это особенно актуально, если большинство бедных остаются чернокожими, а богатые – белыми. В такой ситуации парламентское правительство с избирательными правами, основанными на собственности, вероятно, не сможет предотвратить революцию.

Более эффективным вариантом для организации защиты правящего класса могло бы быть однопартийное государство. В такой системе можно было бы избежать возникновения вопроса о расе, одновременно монополизировав власть. Равенства рас можно достичь, либо предоставив всем право голоса, либо лишив всех этого права – как юридически, так и фактически. Правящая партия могла бы привлекать некоторых чернокожих членов, чтобы продемонстрировать свой нерасовый характер. С постепенным увеличением их числа возможно было бы достигнуть мирного перехода к нерасистскому обществу. Однако все это маловероятно. Радикальные и эффективные решения иногда находят свое воплощение посредством умных деспотов, а не в правительствах, избранных большинством населения. Белые южноафриканцы, несмотря на свой кальвинизм, становятся все более податливыми своим желаниям, подобно другим белым людям. Их неопытность и страх заставляют их придерживаться консервативных или либеральных иллюзий. Вероятно, либеральные реформаторы, движимые стремлением к международному признанию, изменятся достаточно, чтобы дать чернокожим смелость и способность бороться, но не настолько, чтобы удовлетворить их. Белые, вероятно, ослабят свою способность подавлять сопротивление, но останутся достаточно сильными, чтобы противостоять войне между расами. Изгнание, порабощение или даже истребление белых может стать возможным исходом войны между расами, но более вероятным является раздел и реорганизация населения.

Подавляющее большинство белых южноафриканцев очень беспокоится о сохранении своей расовой и этнической идентичности. Они также боятся возможных последствий правления чернокожих и хотели бы убедиться, что им не грозит физическая угроза в случае потери своего доминирования. Несколько десятков лет назад они могли бы добиться своих целей, организовав условия разделения на выгодных для себя условиях. Однако они не хотели отказываться от своих богатств и не могли представить себе перспективу заниматься малоквалифицированным трудом. Сегодня, вероятно, после большого числа человеческих потерь, белые окажутся с гораздо меньшей территорией, чем могли бы получить в прошлом. Однако даже одна провинция Восточный Кейп превышает по размерам большинство европейских государств.

Глава 11. О миролюбии военных диктаторов

Идея о том, что стратегические намерения и военные действия зависят от факторов, связанных с культурой и обществом, не нова. Древнекитайские политические мыслители описывали негативное влияние резкого социально-экономического неравенства на военную силу. В этом аспекте Мао был представителем аналогичных взглядов Лорда Шани. Геродот объяснял военное превосходство Греции над Персией патриотическим настроением и солидарностью, обусловленными активной гражданской жизнью греческих полисов. Полибий объяснял победы римлян преимуществами их смешанной политической системы. Ибн Халдун считал, что способность кочевников побеждать крупные городские армии обусловлена жизнью в суровых пустынях, которая формирует гражданские и военные доблести, в противополож-

ность трусости и *изолированности* воинов, живущих комфортно в городах. Поэтому неудивительно, что для оценки стратегической ситуации следует учитывать не только измеримые факторы (число солдат, вооружение, экономический потенциал), но и более неопределенные факторы, вытекающие из внутренней динамики политических систем. Здесь я попытаюсь продемонстрировать особую связь между внутренней динамикой и тенденциями конкретного политического режима и его способностью к внешним конфликтам.

В отличие от того, что подразумевается под термином «милитаризм», наиболее удивительным свойством военных диктатур является то, что их возникновение и существование мало связаны с выполнением строго военной функции, такой как ведение или подготовка войны. Военные диктатуры обычно возникают в мирных странах, за исключением диктатуры Кемалья в Турции, если не считать правление Наполеона военной диктатурой. Важным фактом также является то, что военные диктаторы (по крайней мере в наше время) обычно проявляют низкую агрессивность и империалистические стремления во внешних отношениях, в то время как самые агрессивные и империалистические государства управлялись гражданскими правителями. Этот факт объясняется несовместимостью внутреннего и внешнего использования вооруженных сил, что делает их менее подходящими для одной функции, если они используются в качестве инструмента для другой.

Мой основной тезис заключается в следующем: существует внутреннее несоответствие между внутренним и внешним применением вооруженных сил. Иными словами, чем чаще вооруженные силы задействованы внутри страны, тем менее способны они вести войну; кроме того, когда доля участия вооруженных сил высока, они становятся менее податливыми и ненадежными в качестве инструментов для внутреннего подавления.

Под внешним применением я понимаю войну, подготовку к ней и деятельность, связанную с поддержкой состояния готовности. Под внутренним применением я имею в виду борьбу, угрозы и принуждение в отношении соотечественников и подготовку к этой деятельности. Последнее может быть реализовано двумя способами: вооруженные силы могут использоваться внутри страны для обеспечения соблюдения законных требований правителей (в этом случае они действуют по внешним приказам и остаются в некоторой степени аполитичными), или же они сами могут захватить или осуществлять власть, тогда они политизированы, и борьба за власть происходит внутри них. Эта ситуация может привести к возникновению устойчивой диктатуры или продолжать существовать как незавершенное преторианство, в том смысле, как термин используется в моем труде *«Военная организация и общество»*.

Менее интересным является очевидный факт: чем больше времени и энергии затрачивается на одно занятие, тем меньше остается на другие виды деятельности; оборудование и организация, приспособленные для одного вида использования, редко будут оптимальными для других. Вторым аспектом указанной несовместимости связан с национальной солидарностью: чем больше поддержки армия получает от граждан, тем больше вероятность хорошей боеспособности и помощи с их стороны. В то же время роль вооруженных сил как средства принуждения может ослаблять их эффективность. Важность этого фактора зависит от показателей военной мобилизации: хотя призывников можно заставить воевать, их дисциплина и убеждения играют важную роль в боевых качествах воинов. Даже профессиональная армия будет сражаться лучше, когда она проникнута патриотическими чувствами и большинство граждан уважают ее, чем тогда, когда они презирают и ненавидят армию.

Влияние этих факторов на боеспособность армии является довольно умеренным по сравнению с влиянием внутренней борьбы за власть. Внутреннее политиканство, nepoтизм и уклонение от обязанностей разрушают уважение солдат к командирам, затрудняют отбор квалифицированных кадров и подрывают мораль и боевой дух. Доверие, солидарность, само-

отдача и чувство чести, важные на поле боя, не могут формироваться в организации, раздраемой дразгами и интригами.

Использование армии для противостояния гражданам своей страны может привести к полной утрате эффективности ее трудовых ресурсов, так как краткосрочные призывники менее надежны в качестве инструментов внутреннего насилия, чем долгосрочные профессиональные военные. Патриотическая пропаганда, подчеркивающая внутреннее братство, может повысить эффективность армии в войне, но в то же время ослаблять ее готовность и надежность как инструмента против соотечественников. Как показывает пример Германии и России в конце Первой мировой войны, эти факторы сыграли важную роль в их крахе этих держав.

Приведенные аргументы подтверждаются сравнительными доказательствами поражений военных диктатур. Примеры израильско-арабских войн показывают, что Израиль, несмотря на свою высокую военную подготовку, имел преимущество благодаря гражданской армии, подчиненной конституционным властям. Также следует отметить, что иорданская армия, которая строго подчинялась королю, показала себя лучшей из всех арабских армий, участвовавших в войнах с Израилем. Это подтверждает важность факторов доверия и поддержки со стороны населения. Еще одним примером является война Индии с Пакистаном в 1971 году. Индия, правительством которой руководила женщина-премьер-министр, победила Пакистан под правлением генерала. Война Сомали с Эфиопией, развязанная военным диктатором, закончилась поражением, в то время как единственное успешное вторжение одного государства в другое в постколониальной Африке было проведено гражданским диктатором, который сверг военного диктатора Уганды. Также стоит упомянуть войну Чили с Перу и Боливией, в которой Чили по размеру не превосходила соперников, но победила их благодаря лучшей организации и командованию. Важным фактором было конституционное правительство Чили, возглавляемое гражданским лицом, в то время как врагами Чили были диктаторы.

Есть и другие примеры, подтверждающие мою точку зрения: поражения военных диктатур в войнах с коммунистическими силами в Юго-Восточной Азии, когда у коммунистов была армия, отсутствующая в Индонезии; легкая победа японцев над военными лидерами Китая; поражение армии Чан Кайши от маоистов.

Важно отметить, что не авторитарный характер политической системы, а фракционность и коррупция являются причинами слабости вооруженных сил. Если солдаты подчинены абсолютному монарху или тоталитарной партии, они могут сражаться хорошо, иногда даже лучше армий демократического общества. Однако они всегда мало заметны на политической арене.

Указанные факторы не действуют одинаково, когда военный диктатор длительное время правит без оппозиции, и потому его начинают считать почти законным монархом. Или когда он приходит к власти для защиты всей страны, а не для принуждения одной части нации в пользу другой. Примером может служить Мустафа Кемаль.

Некоторые государственные деятели интуитивно признавали несовместимость внутреннего и внешнего использования вооруженных сил, хотя это не было явно проанализировано. На первый взгляд, Французская мобильная гвардия (предшественница гражданского корпуса CRS) появилась для того, чтобы помочь армии завоевать благосклонность низших классов и избежать порицания за внутреннее насилие. Однако государственные деятели также стремились достичь двух взаимно дополняющих целей: удержать генералов от пристрастия к "притеснению" гражданских лиц; иметь независимую силу, которая затруднила бы военный переворот. Возможно, подобные мотивы объясняют важную роль СС в нацистской

Германии и войск НКВД (ныне КГБ) в СССР, несмотря на сильно различающиеся обстоятельства.

Длинная история милитократии в Латинской Америке, на Пиренейском полуострове и в Греции (в которых мы стали свидетелями внезапного краха режима, кажущегося устойчивым) подтверждает, что военная диктатура менее стабильна по сравнению с традиционной монархией или коммунистическим государством. Если бы фашистские государства не были разрушены извне, вероятно, они были бы также стабильны, как и последние.

Уязвимость милитократий вытекает из фундаментальной несовместимости, о которой уже говорилось. Армия в первую очередь создается для защиты страны, и потому редко является эффективным средством управления, тем более – реформирования. Отсутствие доктрины, которая бы легитимизировала и направляла ее действия, зачастую делает офицеров неуверенными в своих силах, а отсутствие правил, регулирующих преемственность власти, часто приводит к раздорам. Даже в наиболее институционализированных военных диктатурах современности, например, в Бразилии, многие офицеры чувствуют себя виноватыми и хотели бы изменить или ликвидировать систему, тогда как в однопартийных государствах, особенно коммунистического типа, такие тенденции не столь сильны. Режим Франко рухнул после смерти Каудильо, а относительная долговечность объяснялась его смешанным характером. Вместо чистого милитократического режима он сначала был клерикалистским и полупашистским, а затем преимущественно клерикалистским и бюрократическим, с католицизмом в качестве основной идеологии. Военные и бюрократическая олигархия оправдывали свое господство необходимостью защиты Церкви и сохранения ею контроля над душами людей. С течением времени идеологические основы подрываются, и сила сопротивления ослабевает.

Британская и французская колониальные империи были учреждены при парламентском правительстве (то же самое можно сказать и о Бельгии и Голландии), в то время как Испания, склонная к военному правлению, потеряла свои последние колонии в пользу демократических Соединенных Штатов. Именно США завладели половиной территории Испании, которой правили военные диктаторы, а не наоборот. Единственная часть мира, в которой военные диктатуры существовали уже в XIX веке, относится к иберийской цивилизации, которая также оказалась наименее нарушенной международными конфликтами, и единственный кровопролитный конфликт на этой территории был межнациональной войной. Эта война стала ярким примером военного столкновения на этой культурной территории со времен войн за независимость в Испанской Америке и войны на Пиренейском полуострове во времена Наполеона; Парагвай сопротивлялся объединенной атаке Бразилии, Аргентины и Уругвая. Интересно отметить, что в Парагвае был диктатор, но не типичный для иберо-американских стран. В отличие от остальной части этой территории, Парагвай не был охвачен феодальными поместьями, так как до обретения независимости там правили иезуиты, установившие своеобразный коммунизм. Их успешное функционирование на протяжении трех веков свидетельствует о том, что религия может обеспечить более успешную основу для коммунизма, чем марксизм. Независимый Парагвай был основан доктором Гаспаром Франсией, который, подражая Наполеону, провозгласил себя Первым консулом в 1811 году и правил до своей смерти в 1840 году. Он конфисковал большие феодальные поместья, возникшие после иезуитов. Его сменил без переворота его главный исполнитель Карлос Антонио Лопес, который правил до 1862 года, когда передал власть своему сыну Франсиско Солано Лопесу, который провел много лет в Европе в качестве дипломата и теперь пытался модернизировать полудинастическую и полукommуннистическую автократию. В 1865 году он неосмотрительно ввязался в войну с гораздо более крупными государствами – Аргентиной и Бразилией – и после четырех лет ожесточенных боев погиб, заплатив жизнью за свою ошибку. Ни одна другая

американская республика не проявляла такой военной энергии в соответствии со своими возможностями: из менее чем миллиона населения примерно 100 000 человек погибли на поле боя. Пропорционально, это было больше, чем советские потери во время Второй мировой войны.

Иберийские военные диктаторы избегали участия в мировых войнах (за исключением отдельных случаев на формальном уровне), в то время как парламентарные и династические государства (прежде всего Соединенные Штаты) вели эти конфликты. Фашистский диктатор Италии с удовольствием вступил в войну, начатую его бывшим учеником, в то время как военный диктатор Испании использовал все свои уловки, чтобы не попадать в ситуацию военных конфликтов.

Военные диктаторы Восточной Европы в период между двумя мировыми войнами не вели войны друг с другом. Румынский лидер Антонеску согласился на передачу трети своей страны Венгрии по просьбе Гитлера и вступил в борьбу с Россией только по приказу Гитлера. Пилсудский, который оправдывал свой захват власти в Польше в 1926 году с помощью потребности в единстве и силе, мало что сделал для укрепления страны.

Московия, Россия и СССР являются наиболее стабильно расширяющимися империями в современной истории. Они никогда не подвергались военному узурпации, и их армия всегда подчинялась установленной власти. В отличие от них, военное правительство Португалии завершило войну в 1976 году и разрушило империю. Вероятно, причиной этого было желание избежать колониальных войн и их последствий. Африканские военные диктаторы также сохраняют мир с соседними странами. Хотя арабские военные диктаторы участвовали в войнах против Израиля, их борьба началась задолго до их прихода к власти. Насер, Кассим и другие арабские лидеры были не более заинтересованы в борьбе с Израилем, чем их предшественники. Оппозиция по отношению к сионизму является общей чертой арабского мира независимо от того, кем они являются – наследственными эмирами, выборными политиками или военными диктаторами. Появление последних не привело к более жесткой позиции по отношению к Израюлю.

Одно из главных обвинений в адрес латиноамериканских военных диктаторов – непатриотичность. Их обвиняют в содействии иностранным капиталистам в эксплуатации своих соотечественников. Хотя это может быть верно в тех случаях, когда военные лидеры получают взятки от иностранных компаний, есть другое объяснение их поддержки иностранного бизнеса. В условиях беспорядка и коррупции в государственных органах и предприятиях привлечение иностранного бизнеса может быть лучшим способом содействия национальному процветанию. Тем не менее, даже если это оправдано на таких основаниях, готовность предоставить такую свободу иностранному бизнесу противоречит агрессивному национализму. В отличие от лидеров Японии, которые ограничивают иностранные инвестиции в свою страну, латиноамериканские военные диктаторы предлагают друг другу помощь в борьбе с оппозицией.

Среди возможных контрпримеров нужно обратить внимание на правление Тодзэ в Японии. Авторитарность и милитаризм этого правления не вызывают сомнений, хотя недавно были обнаружены доказательства того, что Рузвельт пытался спровоцировать Японию к нападению на Соединенные Штаты. Хотя режим Японии был авторитарным и милитаристским, он не был примером военной диктатуры: захвата власти военными не произошло, власть оставалась у высших политиков и гражданских чиновников. Император сохранял значительные полномочия, назначая Тодзэ премьер-министром и имея возможность уволить его после событий в Хиросиме. Поддержка населения не была результатом чистого принуждения, а была обусловлена фанатичным национализмом, поклонением Императору и культом

воинских доблестей. Реформы периода Мэйдзи привили всему населению ценности, которые ранее были характерны только для военной знати.

Вместе с Германией (как Гогенцоллернов, так и нацистов), Япония служит ярким примером милитаризма в правильном смысле этого слова – политики, которая направлена на мобилизацию всей нации для ведения войны. Она включает в себя культивирование воинственных добродетелей, воинственных настроений, восхищение военным мастерством и почитание военного чина. В отличие от Германии, в Японии офицеры не всегда подчинялись гражданским властям, и хотя они не обладали всей политической властью, они не были также полностью послушными исполнителями, как их коллеги в других странах.

Политический строй в Японии в то время описывался как "правительство посредством убийств". Однако более точно можно было бы назвать это давлением, а не управлением, поскольку убийства осуществлялись не высшими правителями или амбициозными политиками, а офицерами более низкого ранга, которые не стремились к власти, а были удовлетворены своими текущими должностями. Несколько раз ультранационалистические военные заговорщики убивали высокопоставленных политиков и генералов, считая их недостаточно решительными в продвижении интересов империи в Китае или укреплении военной мощи Японии. Обвиняя своих жертв в измене, они обращались к императору и часто добровольно подвергались наказанию. Моральное давление их самопожертвования под воздействием страха перед наказанием заставляло молчать более либеральных политиков и привело к возвышению ультранационалистов. В отличие от многих латиноамериканских и африканских диктаторов, нельзя было обвинить заговорщиков и их империалистических лидеров в коррупции. Таким образом, политическая система Японии не была чистой милитаристической диктатурой и не подтверждала представления о том, что военные диктаторы обычно являются миролюбивыми на международной арене.

Возможно, режим Кемалья в Турции является более убедительным контрпримером. Он был явной военной диктатурой, в которой Кемаль одновременно был главой государства и главнокомандующим армией после отмены монархии. Однако его агрессивность на международном уровне была ограничена, так как проводимые им войны имели оборонительный характер. Кемаль использовал свою деспотическую власть не для увеличения территорий, а для превращения Турции в современную нацию в пределах своего этнического поселения, смирившегося с потерей своих имперских владений.

Диктатура Пилсудского в Польше возникла после военного восстания и короткой гражданской войны. Этот режим отличался милитаризмом и милитократией, но его основная цель была связана с проблемами обороны страны. Но скорее это был случай слияния двух явлений: поляки только что отвоевали независимость и постоянно ощущали угрозу со стороны больших соседей. Естественно, они склонялись к сверхпатриотизму и поклонению своим военным доблестям и лидерам. Пилсудский умел использовать эти настроения, но его переворот и последующее правление скорее ослабили, чем укрепили эти силы. Несмотря на ультрапатриотическую риторику, его наследники, известные под именем «полковников», не сделали много для подготовки страны к войне. Можно утверждать, что они неохотно соглашались на превосходящую силу, поступая так же, как Антонеску и Хорти, если бы не опасались вспышки гнева среди младшего офицерского состава и штатского населения, которые были опьянены ультрапатриотической официальной пропагандой. Единственным империалистическим действием полковников был захват крошечного кусочка Чехословакии во время Мюнхена. Чехи отобрали эту территорию у поляков, когда большевистская армия наступала на Варшаву.

Использование терминов «фашистские» или «милитаристские» для некоммунистических диктатур в Латинской Америке ведет к недоразумению. Во-первых, фашизм и милита-

ризм не являются одновременными и взаимозависимыми понятиями: милитаризм был важной частью фашизма, но он существовал отдельно от него и не требовал его наличия. Более того, милитаризм имел глубокие корни в республиканской Франции и немецкой конституционной монархии до 1914 года, даже глубже, чем в Италии у Муссолини. Строго говоря, термин «армия» означает организованную группу вооруженных людей, способных участвовать в военных действиях, то есть сражаться с другими военными силами. С другой стороны, слово «полиция» относится к организованным группам вооруженных людей, чья задача связана с насилием над гражданским населением. Таким образом, использование термина «полицейские силы» для описания вооруженных сил латиноамериканских республик (за исключением Кубы) является неправильным. Таким же образом выражение «военная диктатура» не совсем подходит для этих случаев.

В 1980 году в Аргентине, Чили, Уругвае и Бразилии существовали диктатуры, которые можно было отнести к классическому полицейскому государству – политической системе, основанной на насилии при помощи полиции. Однако это не означает, что они были более жестокими, чем системы, полностью соответствующие полицейскому государству в идеальном варианте. Фактически, их репрессивная деятельность не достигала такого же масштаба и интенсивности, как в годы нацистской Германии, СССР при Сталине или Ленине, или в Китае при Мао. Ленин, Гитлер и Мао имели свою идеологию и преданных последователей, в то время как Франко использовал ультрамонтанный клерикализм как идеологическую основу своего режима. В свою очередь, Гейзель, Пиночет и Видела действовали без какой-либо идеологической поддержки, за исключением отрицательной – противодействия коммунизму.

Систематические репрессии и полицейское всеисилие являются феноменами, которые существуют намного дольше, нежели фашизм. Определение фашизма следует основывать на уникальных и новаторских особенностях режима Муссолини. Одной из самых оригинальных особенностей была организация политической партии по принципу подражания военным, независимо от существующей армии. Эта особенность сопровождалась новым пластом интенсивной пропаганды и мобилизации масс, агрессивного национализма и милитаризма, а также институционализации безоговорочного лидерства партии и ее главы. Ни одна из этих черт не применима к диктатурам Латинской Америки, обычно называемым фашистскими, однако можно наблюдать некоторые сходства с Кубой, несмотря на значительные различия в идеологии и практике между Кастро и Муссолини. Эти режимы не представляют собой националистического и милитаристического характера и подтверждают тезис о том, что внешняя воинственность не является характерной особенностью милитократий.

Примечание

1. Лондон: Рутледж и Кеган Пол и Беркли: издательство Калифорнийского университета 1968.

2. Обзор военного вмешательства в политику в современные времена представлен в книге «Военные и политика в современные времена» Амоса Перлмуттера (Нью-Хейвен: издательство Йельского университета, 1977). Подробный анализ арабских диктатур содержится в книге «Политические роли и военные режимы» того же автора (Лондон: Фрэнк Касс, 1981).

Послесловие 1991 г.

Война на Фолклендских островах ярко проиллюстрировала данный тезис. Британские войска, отправленные в бой женщиной-премьер-министром, проявили себя наилучшим образом. Напротив, армия аргентинского диктатора, показала низкую эффективность. За исключением летчиков, офицеры не проявили мастерства и решимости сдаться в плен рядовым солдатам. Генерал Галтьери был последним из военных диктаторов, чья единственная серьезная задача заключалась во внутренних репрессиях. Предполагая, что ему позволят захватить острова без военного противостояния, поскольку они были незначительной ценностью для Британии, он совершил агрессию. Однако, так как значение этих островов для Аргентины также было невелико, явной целью было отвлечение населения от последствий плохого управления с помощью постановки небольшого шовинистического спектакля. Непреднамеренно он окажет исключительную услугу госпоже Тэтчер, позволив ей выиграть выборы 1983 года.

В течение восьми лет иракская армия продемонстрировала замечательную настойчивость в войне против иранцев, под влиянием религиозного пыла. Однако это не ослабляет основной тезис, поскольку Саддам Хусейн не был преторианским диктатором, а скорее подобен вождю партии типа Сталина, который контролирует армию подобными методами. Официальной идеологией иракского полутоталитарного государства был арабский национальный социализм.

В своей книге *«Африканский солдат и политика: эссе о милитаризме и преторианстве на юге Сахары»* (1990) Мишель Л. Мартен приводит множество свидетельств о связи миролюбивого характера африканских армий с их склонностью вмешиваться во внутреннюю политику. Однако его анализ омрачен неправильным использованием термина «милитаризм», который он также называет «преторианством» или «стратократией». Было бы лучше заменить его термином "милитократия". Это мешает пониманию того, что клептократические диктатуры в Заире или Нигерии можно отнести к той же категории, что и милитаризм в старой Пруссии или при Сталине, Гитлере, Саддаме Хусейне.

*Перевод с английского А.Г. Акоюн
Научная редакция В.П. Макаренко*